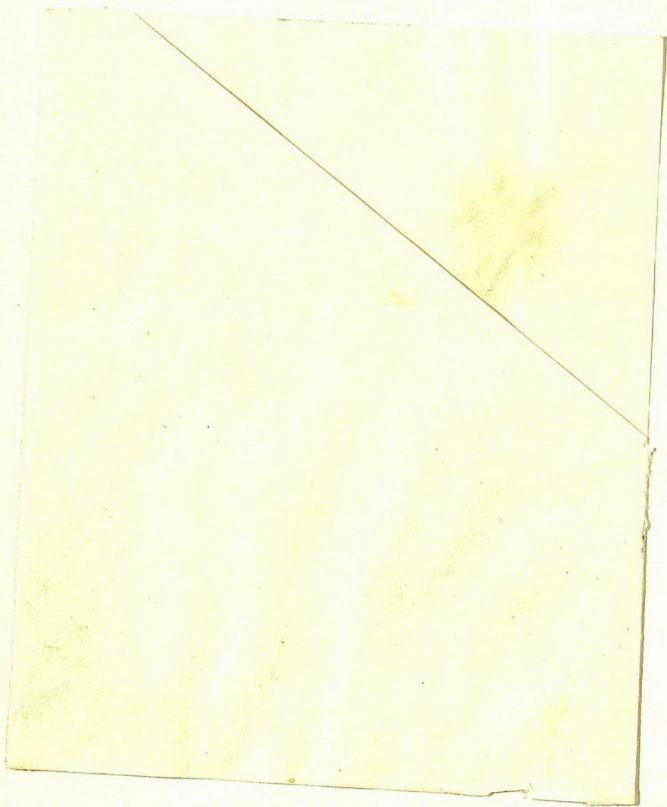

XVI $\frac{69}{14}$

1912

√ 7-9

XVI
—

69
—
14

СТРОПІНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 7. - 12
ЮЛЬ
1912 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учеб. библиотекъ учебныхъ заведеній въ дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи*.

Бельгеская О. А. „Капелъ“. Стихотворенія. 40 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библиотекъ младшаго возраста средн. учебн. заведеній и для ученич. библиотекъ высшихъ учебныхъ завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи*.

Егоровъ Л. И. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рис. Цѣна 25 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библиотекы высшихъ учебныхъ завед.

Кондурушинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разсказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.
Карровъ Люисъ „Приключенія Алины въ странѣ чудесъ“. Переводъ съ англійск. **Аллего**. Съ рисунками. Цѣна 1 р.

Лондонъ Дженъ „Бунъ“. Исторія одной собаки. Переводъ съ англ. Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ перепл. 75 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библиотекы высшихъ учебныхъ завед. и для ученич. библиотекъ младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библиотекъ высшихъ учебныхъ завед. и дѣтскихъ пріютовъ Видомства Учрежденій Императрицы Маріи. Допущено въ ротныя библиотекы кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахіева-Мировичъ В. Г. „Золотой домъ“. Разсказы. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.

ОДОВРЕНО для ученич. библиотекъ младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библиотекъ высшихъ учебныхъ завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи*.

Манасеина Н. И. „Разсказы для дѣтей“. Со многими рисунками. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библиотекъ млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библиотекъ высшихъ учебныхъ завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библиотекъ средн. учебн. завед.

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разсказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библиотекъ млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библиотекъ высшихъ учебныхъ завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи*.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библиотекы высшихъ учебныхъ завед. и дѣтскихъ пріютовъ при пополненіи бесплатныхъ народн. читал. в библи.

Допущено въ ротныя библиотекы кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разсказъ изъ институтской жизни. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библиотекъ средн. учебныхъ заведеній и допущено въ ученич. библиотекы городскихъ училищъ.

Манасеина Н. И. „Овсянникъ“. Пять разсказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библиотекы высшихъ учебныхъ завед. и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библиотекъ средн. учебныхъ заведеній.

ОДОВРЕНО для ученич. библиотекъ младш. классовъ ср. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи*.

Пеливановъ В. П. „Воронъ.—Индѣйцы“. Разсказы. Съ рисунками. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библиотекъ младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библиотекъ высшихъ учебныхъ завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Императрицы Маріи*.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библиотекы высшихъ учебныхъ завед.

1912 годъ.

Июль № 7.

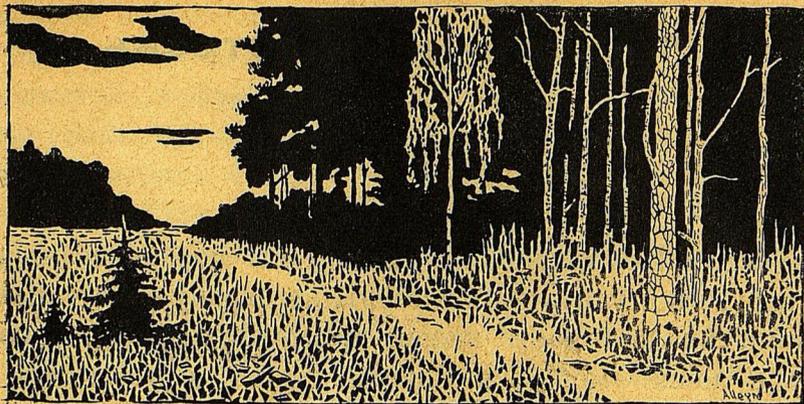
ЖУРНАЛЪ
ТРОПИНКА.

Содержаніе.

1. Лѣтней порой—стихотвореніе *О. Бьялевской.*
2. Таинственный островъ—разсказъ *А. Алтаева.*
3. Громовыя стрѣлы—профессора *А. П. Павлова.*
4. За счастьемъ—съ итальянскаго *Е. Владиміровой.* (Продолженіе).
5. Знакомство съ царствомъ растений—*С. Лебедева.* (Продолженіе).
6. Астрономическія карты—*А. Лоудисъ.*
7. Историческій календарь.

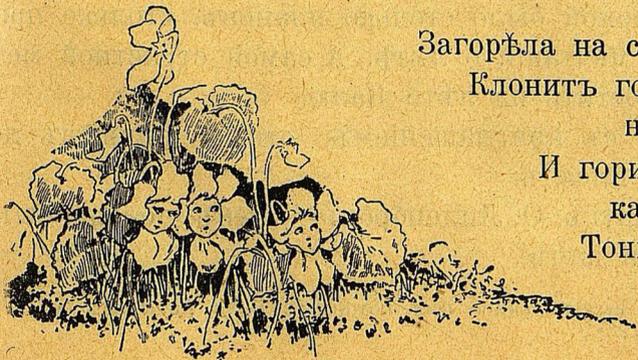
Лѣтней порой.

КАКЪ оладышекъ въ желтомъ меду,
Млѣеть солнце въ лучахъ неистомныхъ.
Кровью брызнули маки въ саду,
Земляника—на взлобкахъ укромныхъ.

Шуба-шубой ячмень яровой.
Встали войскомъ овсы надъ полями,
По простору травы луговой
Косари отходили съ косами.

Загорѣла на солнцѣ греча,
Клонить голову рожь
надъ межою,
И горить на зарѣ,
какъ свѣча,
Тонкій мѣсячный серпъ
надъ рѣкою.

О. Бѣляевская.

Тайнственный островъ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

I.

Встрѣча.

ИЗЪ душнаго южнаго городишки мы перекочевали къ сѣверу, въ страну рѣкъ и озеръ, въ страну болотъ и лѣсовъ. Съ нами ѣхала и часть нашей прислуги, а съ одной изъ прислугъ и дочка—мой неизмѣнный другъ и участникъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ проказъ, Махорка.

Въ покинутомъ городишкѣ у меня остался еще одинъ другъ—Валя, сынъ нашей сосѣдки, котораго послѣ одной проказы, чуть не стоившей ему жизни, я особенно крѣпко полюбила.

Этой проказой были наши поиски счастья. Мы съ Махоркой рѣшили перемѣнить нашу спокойную жизнь на цѣль приключеній, подвиговъ и всякихъ бурь. Мы пропутешествовали почти трое сутокъ и вернулись домой, полные тоски по родному углу; намъ вся эта передряга сошла легко, а хрупкій Валя свалился и долго прохворалъ.

Въ новый городъ мы переѣхали съ осени, и ранней весною уже наняли въ окрестностяхъ дачу.

У насъ съ Махоркой было столько плановъ, столько приготовленій, столько мечтаній о лѣтѣ. А самой страстной мечтою было позвать гостить на лѣто Валю.

На мое письмо съ приглашеніемъ, отвѣтъ пришелъ довольно скоро. Валя писалъ:

„Дорогой мой другъ, О. Лиденброкъ! ¹⁾ Тебѣ, должно быть, тамъ уже весело, на дачѣ.

¹⁾ Лиденброкъ было вымышленное имя, которымъ Валя называлъ меня въ нашихъ играхъ.

На твою лабораторію обрушилась полѣнница и засыпала часть коллекціи. Я дѣлаю раскопки. Моя коллекція пополнилась челюстью лошади съ зубами, которую я нашель, когда шель на урокъ музыки, въ канавѣ. Спектакль у насъ сошелъ хорошо. Мы играли въ нашемъ сараѣ. Народу набралось полонъ театрѣ. Шли двѣ пьесы: „Матрена Спиридоновна“ и „Художникъ Мазилкинъ“. У насъ предполагается еще одинъ спектакль.

Теперь война съ мальчишками прекратилась. Мы съ горничной Настей скосили весь нашъ лужокъ передъ домомъ, и я уже немного умѣю косить. Изъ сѣна Настя сдѣлала стогъ. Часть сѣна мы уже снесли на балконъ, и я цѣлыми днями валяюсь въ душистомъ сѣнѣ, и зайчикъ со мною.

Я устроилъ себѣ въ сѣнѣ гнѣздо и читаю тамъ Жюль Верна. Я прочель еще два его романа: „Путешествіе капитана Гатерасса (въ которомъ описывается, какъ одинъ капитанъ открылъ сѣверный полюсъ и сошелъ съ ума отъ волненія) и еще „Въ области солнца“ (въ которомъ описывается, какъ комета оторвала отъ земли маленькій кусочекъ, на которомъ остались 2 француза, 13 англичанъ, 22 испанца, 10 русскихъ, 1 еврей, и какъ этотъ осколокъ унесло съ ними въ пространство).

Корсару я далъ лизнуть носъ, но онъ не только носъ но и все лицо облизалъ. На нашу землю перевозятъ матеріалъ для будущаго дома и, когда онъ будетъ готовъ, то я прибью къ крышѣ наше милое *французское знамя*. Но скоро я все тебѣ расскажу самъ. Я приѣду къ тебѣ черезъ двѣ недѣли; мама отпускаетъ меня, насилу—насилу... Меня привезетъ одинъ знакомый. Онъ ѣдетъ мимо вашего города. Мама цѣлуетъ тебя и твою маму, а Бобка, Корсаръ, Кузьма и Зайчикъ тебѣ кланяются.

Твой другъ „А. С.“

„А. S.“ — это Арнольдъ Стэрнъ, имя путешественника, которое выдумалъ для себя Валя.

Въ концѣ его письма нетвердой рукою были начертаны портреты двухъ собакъ — Корсара и Бобки; для изображенія кошекъ, Кузьмы и Зайчика, на бумагѣ не хватило мѣста.

Мнѣ такъ ясно представился бѣлокурый мальчикъ въ матросской курткѣ; онъ, щурясь, смотритъ на безобразное сооруженіе изъ палокъ и досокъ, называемое „нашею лабораторією“, гдѣ мы изъ всякой дряни, на самодѣльной печкѣ варили мѣсиво и искренно воображали, что варимъ элексиры жизни и добываемъ золото.

Мы жили въ мірѣ сказокъ и всякихъ небылицъ, которыя выдумывали сами, и вѣрили въ нихъ свято. Скоро я увижу своего друга, скоро увижу!

И, махая только что прочитаннымъ письмомъ, я мчалась мимо гигантскихъ шаговъ, мимо качелей со скрипучими веревками, мимо собачьей будки, къ подвалу кухни и кричала, задыхаясь отъ счастья:

— Махорка! А Валя то пріѣдетъ, ей Богу!

Изъ подвала выглянула вихрастая черная голова Махорки, и въ глазахъ ея уже запрыгали искорки радости. Но она еще не успѣла открыть рта, какъ раздался ворчливый голосъ ея матери, нашей кухарки:

— А ты, коли взялась складывать, такъ и складывай; нечего лясы точить.

Въ окно подвала метнулась бѣлая простыня, которую съ ожесточеніемъ встряхивали маленькія, жесткія руки Махорки.

Мѣсяць тянулся очень долго, но зато каждый день приближалъ меня къ свиданію съ Валей, и каждый день мы съ Махоркой придумывали для Вали что-нибудь новое: мы соби-

рали для него ракушки на рѣкѣ, нашли на берегу змѣиную кожу, блестящую, какъ серебро, на солнцѣ, поймали и засадили въ банку ящерицу; наконецъ, мы выстроили въ саду нѣчто, похожее на старую нашу лабораторію въ саду Вали, торжественно положили на полки нѣсколько гусеницъ въ банкѣ, ящерицу, кожу змѣи, и добавили коллекцію великолѣпными личинками майскаго жука и банками съ головастиками.

И вотъ, наконецъ, насталь желанный день пріѣзда Вали.

Валѣ уже было цѣлыхъ девять лѣтъ. Онъ вытянулся, похудѣлъ, но казался сильнѣе, крѣпче; только смѣхъ остался все тотъ же: тоненькій и залихватый. Худенькія руки уже успѣли загорѣть.

Держась за руки, мы не говорили; мы только молча смѣялись, глядя на мою маму, заговорившуюся на платформѣ съ господиномъ, который привезъ Валу.

Потомъ Валя вспомнилъ:

— А Махорка? Гдѣ она?

И, глядя на меня милыми прищуренными глазами, Валя вдругъ залился безъ причины звонкимъ смѣхомъ.

И я, смѣясь, отвѣчала ему:

— Махорка? Ее мать не пустила... она... да побѣжимъ къ ней скорѣе!

И мы побѣжали, держась за руки, все такъ же радостно, безпричинно смѣясь, побѣжали черезъ рельсы, мимо желтой будки стрѣлочника, мимо крошечной платформы нашего полустанка, туда, гдѣ въ мягкихъ очертаніяхъ кустовъ сирени тонулъ голубенькій домикъ нашей дачи.

— А у насъ есть лабораторія!

Валя смѣялся.

— А у насъ есть... живая... живая черепаха... и... и... кожа змѣи!

Голосъ мой звучалъ торжествомъ.

Вѣтеръ игралъ нашими волосами; вдали перекликались пѣтухи; деревья чудесно шумѣли; отцвѣтающая сирень роняла на насъ блѣдно-лиловые лепестки.

II.

Подводная лодка, морекія чудовища и храбрый Нэмо.

— Послушай, милый Стэрнъ, это совсѣмъ не такъ; нельзя изображать капитана Нэмо на какой-то скверной лодчонкѣ. А гдѣ ты возьмешь подводную лодку, хотѣла бы я знать?

Мы втроемъ лежали на животахъ подъ тѣнью плакучей ивы. Съ тѣхъ поръ, какъ Валя пріѣхалъ къ намъ, больше недѣли, мы торчали съ утра до вечера на рѣкѣ. Но мы вовсе не думали удить рыбу; у насъ даже не было удочекъ; мы здѣсь просто играли: бродили по берегу, что-то мѣряли, вколачивали въ землю колья, устраивали фантастическіе шалаши, рыли канавы и возвращались домой грязные, усталые, оборванные.

Мама частенько дѣлала мнѣ выговоры, мать Махорки, случалось, драла ее за жесткіе вихры, но ничто не помогало: едва брезжилъ свѣтъ, насъ уже и слѣдъ простылъ.

И теперь мы съ утра улизнули изъ дома. Передъ нами лежала толстая книга съ истрепанными страницами, на которыхъ ясно виднѣлись отпечатки нашихъ пальцевъ, и мы спорили о прочитанномъ.

Валя, красный отъ волненія, съ сердцемъ сказалъ:

— Удивляюсь я тебѣ, Лиденброкъ, какъ ты можешь спорить о суднѣ капитана Нэмо, когда у Жюль-Верна здѣсь какъ разъ вырвано восемь страницъ?

— Ну, надо же какъ-нибудь судить. Послушай, Стэрнъ: пусть плотъ будетъ кораблемъ, а бочка...

— Бочка?—удивился Валя.

— Ну, да, бочка... бочка будетъ подводной лодкой. Господи—развѣ непременно нужно, чтобы все было, какъ настоящее?

Мы съ Валею постоянно мѣнялись ролями во время нашихъ игръ и помогали другъ другу фантазировать.

Валя вздохнулъ.

— А гдѣ мы возьмемъ бревна для плота, Лиденброкъ?

Косматая голова Махорки съ плутоватыми глазами поднялась съ земли.

— Плотъ?—лукаво сощурившись, спросила она, и губы ея дрожали отъ смѣха.—А плотъ есть готовый!

И она вскочила, маленькая, худая, мускулистая, въ моемъ старомъ платьѣ, которое почти касалось земли, тряхнула головой и понеслась къ густому лозняку, на косу, далеко выступавшую въ рѣку. Оттуда она замахала намъ руками, громко призывая:

— Сюда! Есть! Я сама слышала, какъ сосѣдскіе парни говорили... Петька сказывалъ: привяжемъ на косѣ плотъ, покуда не вернемся, а ушли то они, сказываютъ, недѣли на двѣ.

— Куда ушли?

— А кто ихъ знаетъ! Рыбу все на томъ плоту ловили, а вотъ и ушли.

Она говорила о двухъ братьяхъ, пріѣхавшихъ на побывку къ старухѣ-матери изъ сосѣдней деревни. Пока не начался сѣнокосъ, они отправились куда-то на заработки, должно быть, плотничать.

Въ заросли бѣлѣлъ новенькій плотъ. Мы отвязали его отъ вѣтки лозняка, нашли возлѣ шесть, и скоро на плоту закипѣла работа.

Для насъ началась новая жизнь на рѣкѣ. Мы тащили изъ дома на плоть все, что могли: прятали кусочки сахара, оставшіеся отъ чая, уносили фрукты и конфеты, которые намъ давали послѣ обѣда, прятали даже куски жаренаго мяса. Махорка выпрашивала въ кухнѣ черный хлѣбъ, сухари, лепешки, печеную картошку и брюкву.

Скоро мы и совсѣмъ переселились на рѣку, не приходили даже обѣдать. Служба не позволяла отцу долго заживаться дома, а добрая слабая мама изнемогала отъ заботы съ большою семьей: насъ было девять человекъ, я—самая младшая. Вся семья съ утра разсыпалась, какъ стая воробьевъ: сестры совершали длинныя прогулки съ сосѣдними дачниками; братья—уѣзжали въ лодкѣ далеко, внизъ по рѣкѣ, на рыбную ловлю, а мы пропадали на плоту.

Для насъ это было безпечальное, райское житье.

По колѣна въ водѣ, мы возились у берега, гдѣ была синеватая глина, дѣлая „мыло“ всевозможныхъ формъ и величинъ, и играли въ мыльный заводъ. На своемъ плоту мы перевозили его на носъ глубоко выдавшейся въ рѣку, плоской песчаной косы, съ одной стороны покрытой густымъ лознякомъ, выкладывали мыло въ строгомъ порядкѣ на песокъ и сушили его, а потомъ складывали другъ на друга высокими стѣнами.

Скоро, впрочемъ, эта игра намъ надоѣла и, найдя старую бочку, мы рѣшили немедленно играть въ капитана Нэмо и его чудесное подводное судно „Наутилусъ“, о которомъ такъ краснорѣчиво намъ рассказывалъ въ своей книгѣ Жюль Вернь.

Въ платьяхъ, надѣтыхъ на голое тѣло, мы ныряли и плавали съ бочкой, барахтались, скакали съ плота, а на плоту утвердили паруса изъ рваныхъ простынь. Нѣсколько палокъ

на бочкѣ должны были изображать отверстія таинственнаго „Наутилуса“, изъ которыхъ онъ по временамъ выпускалъ накопившуюся воду.

Отъ постоянного барахтанья въ водѣ наши тѣла покрылись мелкими трещинами, „цыпками“, какъ говорила Махорка, и щипало, но мы не унывали, дома потихоньку мазались вазелиномъ и просто саломъ, и Валя, стоя на плоту въ однихъ засученныхъ штанишкахъ и рубашкѣ, кричалъ изо всѣхъ силъ басомъ:

— Нэдъ замѣтилъ, что въ подводной части кузова пробито отверстіе шириною въ два метра.. И когда матросъ нырнулъ... Что же ты не ныряешь, Махорка?

У Вали была чудесная память, и онъ помнилъ цѣликомъ отрывки изъ прочитанныхъ книгъ.

— Съ нѣкотораго времени многіе корабли встрѣчали въ морѣ огромный, длинный веретенообразный предметъ, по временамъ свѣтящійся фосфорическимъ свѣтомъ и несравненно большій по объему и быстрѣе движущійся, нежели китъ. Махорка, что же ты не ныряешь?

Махорка ныряла; а я, въ роли шкипера парохода, стояла на плоту и отталкивалась шестомъ,

Воображеніе Вали разгоралось. Вглядываясь въ прозрачныя струйки воды, обжигавшія вокругъ плота, онъ дѣлалъ все испуганнѣе и испуганнѣе лицо.

Внизу виднѣлся желтый песокъ; порою темными точками мелькали неподвижныя тяжелыя ракушки. Въ серебрѣ струекъ граціозно скользили рыбки, тыкались носиками въ шесть или въ бревно нашего „корабля“, пугливо тарасили круглыя глазки, и, вильнувъ прозрачными хвостиками, шныряли дальше.

Но Валя видѣлъ въ нихъ не рыбокъ, а громадныхъ чудовищъ Тихаго океана, и самъ былъ не Нэдомъ, плывшимъ

на знаменитомъ тихоокеанскомъ пароходѣ „Авраамъ Линкольнъ“, а уже самимъ могущественнымъ, таинственнымъ капитаномъ Нэмо, владѣльцемъ подводнаго судна „Наутилусъ“, принимаемаго всеми пловцами за невиданное водяное чудовище.

Валя вдругъ громко, пронзительно крикнулъ:

— Прямо руль! Ходъ впередъ! Я рискую жизнью моей команды!

Фантазія уже унесла Валу на морское дно. Онъ велъ насъ съ Махоркой за собою, а бочка и плотъ, на которомъ мы съ нимъ стояли, для него уже не существовали. Онъ таинственно шепталъ:

— Осторожниѣе, друзья мои; когда идешь черезъ лѣсъ коралловъ... водоросли путаются въ ногахъ... не отставайте отъ меня, дорогой Нэдъ...

— Милый Стэрнъ,—сказала я горестно, видя, что мой Нэмо слишкомъ увлекся,—ты сейчасъ упадешь въ воду.

Валя отступилъ шагъ назадъ и съ негодованіемъ крикнулъ:

— Такъ нельзя! Я вовсе не Стэрнъ!

И, переведя духъ, продолжалъ:

— Развѣ ты не видишь: лѣсъ расширяется... Какія ленты водорослей, какіе своды... Не наколите ноги, мой другъ, на обломки. А гдѣ же молодой юнга?

Онъ оглянулся на Махорку, стоящую по поясъ въ водѣ, и вдругъ въ ужасѣ зашепталъ:

— Морской паукъ... чудовищныхъ размѣровъ... Я не дамъ ему коснуться васъ, милый Нэдъ... Юнга, прочь! Я разможжу ему голову!

Онъ шлепнулъ по водѣ шестомъ; серебряныя брызги разлетѣлись во все стороны и каскадомъ посыпались въ глаза Махоркѣ. Но Валя уже видѣлъ новое чудовище и закричалъ въ безумномъ ужасѣ:

— Пара страшныхъ акулъ-людоѣдовъ, съ огромными хвостами и съ мутными стекловидными глазами! Они могутъ разжевать человѣка своими желѣзными челюстями! Спасайся, кто можетъ! Водолазный костюмъ сохранить васъ! На дно! Ничкомъ на дно!

Воображеніе капитана Нэмо приняло бѣдныхъ рыбокъ за акулъ...

Я добросовѣстно упала ничкомъ на плотъ, а Махорка, трезвый умъ которой не мирился съ фантазіями Вали, горестно закричала:

— Ай, Валя, зачѣмъ же ты упустилъ бочку? Смотри, провизія... ай, провизія упала въ воду! Гдѣ я достану еще? Меня и такъ маменька довольно деретъ за вихры!

Этотъ трезвый окрикъ нарушилъ все очарованіе и вернулъ насъ къ дѣйствительности. Я встала, сконфуженно поправляя растрепавшіеся волосы и смотря, какъ все дальше уплывала бочка, а узелокъ съ провизіей погружался въ воду.

Капитанъ Нэмо стоялъ, красный отъ волненія, смущенный, негодующій. Всѣ трое мы теперь были бы не прочь подкѣрпиться пищей, чтобы снова начать преслѣдованіе морскихъ чудовищъ, и чувствовали, что скоро голодъ заставитъ насъ вернуться домой.

Махорка, не смущаясь, ловила уплывшую бочку. На минуту она окунулась въ глубину и, выходя на мелководье въ мокромъ до шеи платьѣ, ворчала:

— Упустилъ провизію... а теперь, какъ пойдешь мокрый обѣдать?.. Эхъ ты, Нэмо!

Но капитанъ Нэмо уже овладѣлъ собою. Онъ сдѣлалъ величественный жестъ рукою и сказалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Акулы поглотили провіантъ, но зато оставили намъ

жизнь. Мой другъ Нэдъ, прикажите матросамъ стать на мѣста. На руль! „Наутилусъ“ отплываетъ!

III.

Таинственный Островъ.

Когда черезъ нѣсколько дней вернулись плотники, они отобрали у насъ плотъ, и „Наутилусъ“ обратился въ обыкновенную бочку, съ которой намъ рѣшительно нечего было дѣлать. Изъ-за нашего тихоокеанскаго парохода намъ пришлось выслушать немало брани отъ владѣльцевъ плота. Старшая сестра Наташа обѣщала намъ достать лодку.

Въ этихъ мѣстахъ рѣка была мелкая; ее переходили кое-гдѣ въ бродъ коровы и лошади, и мама за насъ не очень боялась, только взяла клятву, что мы будемъ „плавать“ въ мелководьѣ.

Мы стояли на нашей излюбленной косѣ у лодки, съ видомъ побѣдителей, и, шурясь, смотрѣли вдаль.

Передъ нами была безконечная серебряная лента рѣки; низкіе берега ея оставляли желтые языки отмелей; рѣка изви- валась, какъ змѣя, и, какъ змѣя, сверкала своей серебряной чешуею. Махорка внимательно осматривала осмоленную лодку и пробовала весла. А у Вали въ головѣ, я знала, уже бродили и зрѣли новые планы. Онъ стоялъ, заложивъ руки въ карманы, среди густой травы, сочной, напившейся до сыта воды, гдѣ перепутанные корни ивняка купались въ рѣкѣ, гдѣ незабудки таращили голубые глаза на небо, гдѣ высокіе стебли дикаго укропа въ сладкой дремѣ раскачивали на вѣтру бѣлыя кружевные голочки, и самъ былъ похожъ на громадный, голубой колокольчикъ. Онъ молча указалъ мнѣ на очертанія какого-то каменнаго зданія на противоположномъ берегу, вправо. Мы знали,

что тамъ—островъ, куда маленькій пастушонокъ гонялъ часто коровъ.

Пока у насъ былъ плотъ, пока мы были заняты „Наутилусомъ“, намъ и въ голову не приходило пускаться куда-нибудь дальше небольшой части рѣки. Теперь, съ лодкой, дѣло обстояло иначе.

— А знаешь,—сказала я,—поѣдемъ на островъ. Это, вѣдь, вовсе недалеко, и мы съ Махоркой умѣемъ грести.

Валя, къ стыду своему, грести совсѣмъ не умѣлъ. Послѣ внимательнаго осмотра Махоркой лодки и уключинъ, мы поплыли къ острову.

Плескались волны о лодку; нѣжно качало ее, какъ колыбель; внизу ласково пѣли струйки, а вверху сіяло торжествующимъ, ослѣпительнымъ блескомъ голубое небо, безъ одинаго облачка.

Сильная, съ загорѣлымъ лицомъ и жесткими черными вихрами, сидѣла Махорка на веслахъ. Мѣрно двигались ея бронзовыя руки; уключины визжали; легкое кряхтѣнье вырывалось изъ груди Махорки. Она подражала настоящимъ гребцамъ. Замѣтивъ немного воды въ носовой части лодки, она нахмурила густыя брови и закричала дѣловымъ тономъ:

— Н-ну, Валя, чего же не выкачиваешь? Засмотрѣлся... тоже, перевозчикъ!

Валя захлопоталъ около воды съ черпакомъ. Захлопала вода; загремѣлъ черпакъ о край лодки, бѣжали возлѣ лодки серебряныя струйки; лодка двигалась рѣзкими толчками подъ сильными взмахами веселъ; съ веселъ скатывались свѣтлыя алмазныя капли; за лодкой оставался широкій слѣдъ, и вдругъ она врѣзалась во что-то и остановилась. Высокая фигура Вали закачалась и едва не потеряла равновѣсіе, лодка зацѣпилась за что-то дномъ; показались гибкіе качающіеся

стебли водорослей; замелькали нераспустившіяся метелочки камышей, зашуршали камыши о край лодки, и она остановилась въ зеленой, переплетающейся рѣшеткой, чащѣ. Высокіе, прямые камыши пронизывало солнце, плясало ласковыми свѣтлыми пятнышками на нашихъ лицахъ; глаза щурились отъ свѣтлыхъ зайчиковъ, и волосы Вали зажигались золотомъ.

— Заглядѣлась и ты?—рѣзко окрикнула меня Махорка.— Гляди, утонемъ! Вправо, вправо поворачивай!

Зашуршали камыши; изъ зеленой гущи тяжело поднялась спугнутая утка. Я повернула руль; лодка выбралась изъ камышей, миновала широкіе зеленые листы кувшинокъ, выѣхала благополучно въ чистое мѣсто и мягко врѣзалась въ низкій, покрытый зеленымъ ковромъ, берегъ.

— Стали! — крикнула Махорка. — Я держу весломъ. Выходи!

Лодка скоро была привязана къ ивняку. По слегка топкому берегу мы шли впередъ, осматривая мѣстность съ любопытствомъ, потому что еще никогда здѣсь не были.

— Тайственный островъ открытъ! — важно заявилъ Валя.—Слышите чей то ревъ?

Онъ былъ скоро разочарованъ все тою же неисправимою Махоркой, у которой рѣшительно не доставало фантазіи.

— Реветь то скотина,—равнодушно сказала она.—Жарко; мухи да слѣпни. Да вотъ и пастухъ... А ты ужъ думаль, какая чуда здѣсь осьминогая аль акула реветъ...

Она засмѣялась, а Валя отвернулся, оскорбленный, ворча, что акулы по землѣ не ходять.

— А здѣсь, говорятъ, есть развалины,—сказала я, чтобы развеселить Валу,—и съ подземнымъ ходомъ...

Валя живо обернулся.

— Вотъ бы итти туда!

— Спросить бы у пастуха, нѣтъ ли тамъ гадовъ: смерть ихъ боюсь,—заявила Махорка.

Валя молча, съ легкимъ презрѣніемъ, посмотрѣлъ на нее.

Прозрачныя, точно кружевныя, купы осинъ трепетали; у ствола приземистаго бука примостился мальчикъ-пастушонокъ, старательно выводя на длинной берестяной дудѣ тягучій напѣвъ. Мычали коровы.

— Слушай: гады... змѣи тутъ у васъ водятся?

Мальчикъ вяло посмотрѣлъ на Махорку.

— А може и водятся.

Изъ-за зелени виднѣлись развалины. Эти развалины когда-то давно стояли на берегу; на рѣкѣ тогда еще не было острова, но капризная вода намыла наносы въ одну сторону, перемѣнила русло и превратила часть берега съ развалинами въ островъ.

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ и очутились на старомъ заброшенномъ кладбищѣ, гдѣ уже давно никого не хоронили; замелькали сломанные кресты, вросшія въ землю плиты: мы раздвинули кусты жимолости и очутились лицомъ къ лицу съ развалинами.

Поросшія мохомъ, красноватыя стѣны безъ крыши смотрѣли на насъ своими длинными узкими глазами-окнами; возлѣ нихъ беспорядочными кучами лежали обвалившіеся камни, и было мертвенно кругомъ, и было какъ-то жутко, и хотѣлось говорить шопотомъ, хотѣлось разгадать таинственную исторію этихъ стѣнъ, быть можетъ, полную величія, быть можетъ, полную ужаса. Кто жилъ въ этомъ неуклюжемъ зданіи съ полуразвалившейся башней?

Широкія каменные ступени вели къ дырѣ съ обвалившимися кирпичами, что когда-то служила дверью; онѣ покрылись травой; въ нѣсколькихъ мѣстахъ выросли высокія ко-

лючки чертополоха съ яркочерными шишечками цвѣтовъ. На самой верхушкѣ лѣстницы, у входа, побѣдоносно торчаль громадный кустъ жимолости.

Насъ спугнуль шорохъ раздвигаемыхъ вѣтокъ. Кто-то крикнуль.

— Э-э! не ходи! не ходи!

Мы сверху увидѣли длинный бѣлый балахонъ и берестяную дудку пастушонка.

— Чего не ходить то?—спросила Махорка.

— Нечистъ... нечистъ тамъ!

— Какая нечистъ?—спросила я, но пастушонка уже и слѣдъ простыль.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О громовыхъ стрѣлахъ.

МОЛОДЫЕ читатели, я хочу поговорить съ вами не о медвѣдяхъ, лисицахъ и зайцахъ, а о такихъ диковинахъ, которыя многимъ изъ васъ навѣрное менѣе близки и менѣе знакомы.

Много верстъ мнѣ пришлось извѣздить и въ нашей, и въ чужихъ странахъ, много пришлось ходить по полямъ и оврагамъ и лазать по горамъ и обрывать рѣчныхъ и морскихъ береговъ, много тихихъ отрадныхъ часовъ довелось мнѣ пережить подъ открытымъ небомъ, наединѣ съ природой и ея чудесами, и испытать ощущенія, вѣроятно, хорошо знакомыя охотнику.

Но я не охотникъ, я не люблю со смертоноснымъ оружіемъ подкарауливать какого-нибудь бѣднаго зайчика или птичку, оживляющихъ безмолвіе нашихъ лѣсовъ. Я геологъ,

меня интересуесть разузнать о томъ, какъ устроена наша земля, и что на ней было прежде, въ отдаленныя, старыя времена. Чтобы разузнать объ этомъ, я предпринималъ свои странствованія.

Геологъ узнаесть о прошломъ земли по разнымъ каменнымъ и землистымъ напластованіямъ, и по тому, что въ нихъ находится, а между этими находимыми въ землѣ предметами его особенно интересуютъ раковины, зубы, кости, твердые покровы животныхъ, такіе, напримѣръ, какими одѣто тѣло морскихъ ежей, раковъ и т. п. По этимъ остаткамъ прежней жизни геологъ опредѣляетъ, отложились ли заинтересовавшіе его слои въ морѣ, или въ озерѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнаесть, когда, въ какой періодъ существованія земли здѣсь было море, такъ какъ въ моряхъ разныхъ періодовъ жили и разныя животныя. Ихъ остатки оказываютъ геологу ту же услугу, какую историку оказываютъ находимыя при раскопкахъ монеты, медали и тому подобныя предметы, прямо указывающіе на опредѣленную историческую эпоху, къ которой относятся и другіе предметы, найденные при этой раскопкѣ. Понятно поэтому, что геологъ нерѣдко севѣдмляется у мѣстныхъ жителей, чаще всего у крестьянъ, о томъ, не находили ли они гдѣ-нибудь вблизи подобныя предметы. Вотъ при этихъ то разговорахъ ему иногда и приносятъ разныя диковинки и спрашиваютъ, что это такое, откуда это взялось и какъ образовалось. Разговоры подобнаго рода нерѣдко заканчиваются такъ:

— А вотъ у насъ еще громовая стрѣлка есть...

Вслѣдъ за этимъ изъ какого-нибудь сундука или съ полочки вашъ собесѣдникъ или собесѣдница достаетъ эту громовую стрѣлку и вамъ показываесть.

Замѣчательно, что это названіе въ разныхъ мѣстностяхъ

даютъ предметамъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго. Къ грому и молніи эти, такъ называемыя, громовыя стрѣлы тоже не имѣютъ никакого отношенія и этого названія совершенно не заслуживаютъ.

Быть можетъ, кому-нибудь изъ молодыхъ читателей „Тропинки“ придется странствовать по глухимъ тропинкамъ,

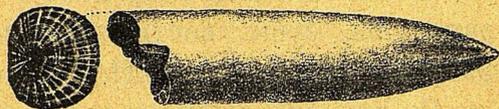

Рис. 1. Белемнитъ и его поперечный расколь.

въ далекихъ уголкахъ нашего отечества и разговориться съ кѣмъ-нибудь изъ мѣстныхъ жителей о разныхъ чудесахъ природы, между прочимъ и о громовыхъ стрѣлахъ.

Поэтому я хочу рассказать теперь о томъ, что называютъ въ разныхъ мѣстахъ громовыми стрѣлами, и можно ли гдѣ-нибудь найти такіе предметы, которые дѣйствительно созданы громовыми ударами и молніей и могутъ быть названы громовыми стрѣлами.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ громовыми стрѣлками называютъ то, что въ другихъ мѣстахъ называютъ чортовыми пальцами. Это тяжелыя, какъ будто каменные, круглыя или овальныя короткія палочки. Если оба конца такой палочки цѣлы, а не отбиты, какъ это нерѣдко бываетъ, то оказывается, что къ одному концу палочка постепенно утончается и заостряется, а на другомъ концѣ имѣетъ вдающуюся внутрь, правильную, остроконечную, круглую ямку. Размѣры этихъ предметовъ, ихъ длина и толщина бываютъ очень различны. Чаще всего они имѣютъ вершка два или три въ длину и меньше $\frac{1}{2}$ вершка толщины. Эти остроконечныя каменные палочки довольно легко раскалываются поперекъ и вдоль и обнаруживаютъ внутри особое, очень характерное, лучистое строеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Московской,

въ Рязанской и въ сѣверной половинѣ эти странныя палочки встрѣчаются часто, особенно по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ. Въ этихъ мѣстностяхъ ихъ рѣдко называютъ громовыми стрѣлами, а обыкновенно онѣ известны подѣ названіемъ чортовыхъ пальцевъ. Громовыми стрѣлами ихъ называютъ чаще всего тамъ, гдѣ онѣ очень рѣдко попадаютъ. Научное названіе этихъ предметовъ *белемниты*; оно происходитъ отъ греческаго слова βέλερον — стрѣла и, вообще, всякое бросаемое изда-дека оружіе.

Эти белемниты имѣютъ совершенно не то происхожденіе, какое имъ скло-ненъ приписывать простолудинъ, не имѣвшій случая познакомиться съ нау-ками, изучающими природу и ея произ-веденія. Люди, занимающіеся этими нау-ками, уже давно замѣтили, что белем-ниты, вмѣстѣ съ остатками разныхъ дру-гихъ морскихъ животныхъ, находятся въ осадкахъ, отложившихся на днѣ мо-рей, воды которыхъ покрывали землю въ такъ называемую среднюю эру исторіи земли. Давно также было обращено вни-маніе на тѣ сравнительно рѣдкіе случаи, когда белемниты были находимы не въ видѣ отбитыхъ отъ чего-то каменныхъ

Симбирской губерніи,

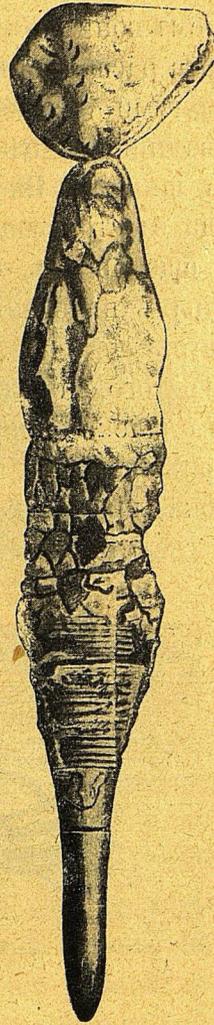

Рис. 2.

Рис. 3.

палочекъ, а въ болѣе цѣльномъ видѣ, дающемъ возможность судить по крайней мѣрѣ о формѣ и величинѣ того животнаго,

къ тѣлу котораго они когда-то принадлежали (рис. 2). Оказалось, что это животное имѣло удлинненное мѣшкообразное тѣло, на переднемъ концѣ его можно было различить голову, и на ней вокругъ рта располагались пучкомъ руки, вооруженныя маленькими твердыми крючками, служившими для схватыванія добычи, а задній конецъ тѣла былъ снабженъ тяжелымъ известковымъ шипомъ. На толстомъ концѣ его, скрытомъ внутри тѣла, была, заостряющаяся къ концу, круглая ямка. Въ ней помѣщался еще органъ, состоявшій изъ ряда пустыхъ камеръ, раздѣленныхъ вдавленными, похожими на часовое стекло, перегородками.

Кромѣ того, спинной край заостренной круглой ямки продолжался далеко впередъ въ видѣ тонкой и твердой пластины, прикрывавшей тѣло животнаго со спинной стороны. Рис. 3 показываетъ, какъ всѣ эти три части твердаго внутренняго скелета белемнита были связаны въ одно цѣлое.

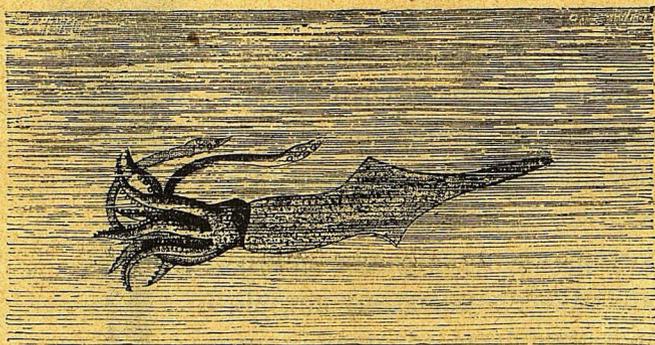

Рис. 4.

Такъ какъ всѣ части животнаго, кромѣ задняго (на рисункѣ нижній) шипа, спинной пластины и органа со вдавленными перегородками, были мягки, то въ самыхъ благо-

пріятныхъ для сохраненія случаяхъ, отъ нихъ сохранялось только обуглившееся отъ времени вещество или только отпечатокъ ихъ мягкаго тѣла. Примѣрно посрединѣ этого отпечатка тѣла животнаго было замѣтно еще скопленіе какого-то красящаго вещества чернаго или бураго цвѣта.

По формѣ и расположенію этихъ отпечатковъ естествоиспытатели и узнали о формѣ тѣла животнаго.

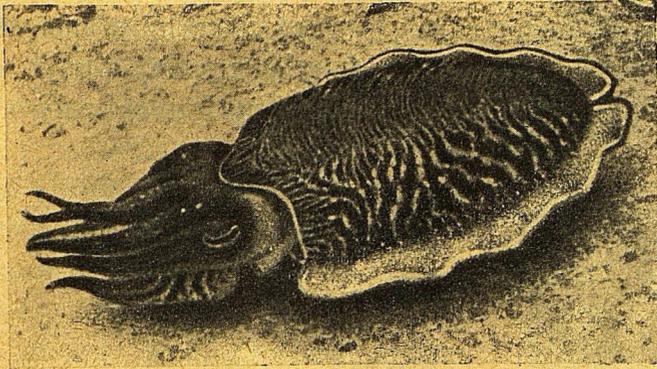

Рис. 5. Сепія, примѣрно въ 3 раза меньше натуральной величины.

На рис. 4 сдѣлана попытка возстановить по сохранившимся остаткамъ цѣлый белемнитъ въ томъ видѣ, какой онъ долженъ былъ имѣть при жизни.

Оказывается, что это животное, отчасти по своей формѣ, а равнымъ образомъ по устройству тѣла, расположенію головы, рукъ, отъ нея расходящихся, было очень похоже на одно изъ нынѣшнихъ морскихъ животныхъ, которое относится къ числу хищныхъ головоногихъ моллюскъ и называется сепіей. (Рис. 5). Нынѣшняя сепія свободно плаваетъ въ морѣ, преслѣдуя свою добычу, а въ случаѣ опасности, ей угрожающей, выбрасываетъ изъ особаго мѣшкообразнаго органа (чернильный мѣ-

шокъ), красящее и замутняющее воду вещество и скрывается въ этомъ темномъ облакѣ окрашенной воды отъ преслѣдующаго ее, болѣе сильнаго непріятеля. Вѣроятно и белемнитъ, въ тѣлѣ котораго было найдено скопленіе красящаго вещества, продѣлывалъ тоже самое.

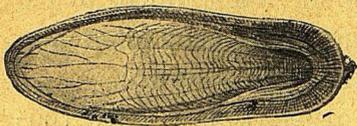

Рис. 6. Кость сепи.

У нынѣшней сепи, какъ и у белемнита, есть твердая известковая пластинка (рис. 6), защищающая ея тѣло со спинной стороны. Эту бѣлую, твердую, но въ тоже время легкую, пористую пластинку продаютъ,

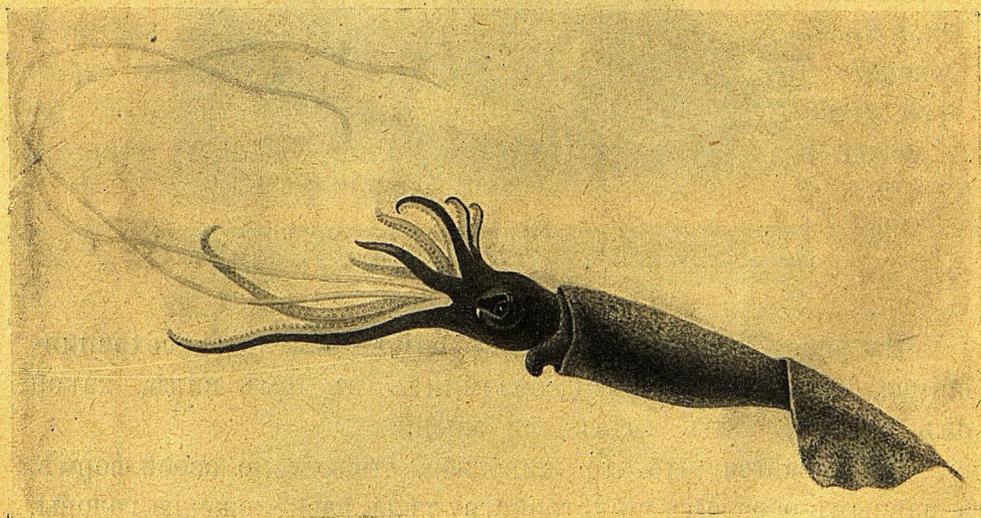

Рис. 7. Mastigoteuthis. Немного болѣе натуральной величины.

подъ именемъ кости сепи, любителямъ комнатныхъ птицъ. Птицы любятъ чистить объ нее свой клювъ.

Только у сепи нѣтъ того тяжелаго известковаго шипа, которымъ оканчивалось тѣло у белемнитовъ, ихъ древнихъ

родственниковъ, хотя очень маленькій зачаточный шипикъ можно разсмотрѣть и у сепи, на нижнемъ концѣ сейчасъ упомянутой твердой пластинки, если этотъ конецъ не отломанъ.

Есть въ моряхъ и другія животныя, похожія на жившихъ въ прежнія времена белемнитовъ. Они болѣе тонки и стройны, чѣмъ сепи, у нихъ тоже есть чернильный мѣшокъ и на спинной сторонѣ тѣла твердая пластинка, оканчивающаяся сзади шипикомъ, только эта пластинка и шипикъ не изъ известкового, а изъ рогового вещества. Одно такое животное, маленькое, но очень красивое изображено на рис. 7. Его поймали нѣмецкіе естествоиспытатели съ парохода „Вальдивіа“ въ Индѣйскомъ океанѣ, противъ восточнаго берега Африки, на глубинѣ болѣе версты. Подобныя животныя впрочемъ нерѣдки и въ другихъ моряхъ, и нѣкоторыя достигаютъ большой величины. Обыкновенно ихъ называютъ кальмарами (подъ рисункомъ приведено латинское названіе этого животнаго).

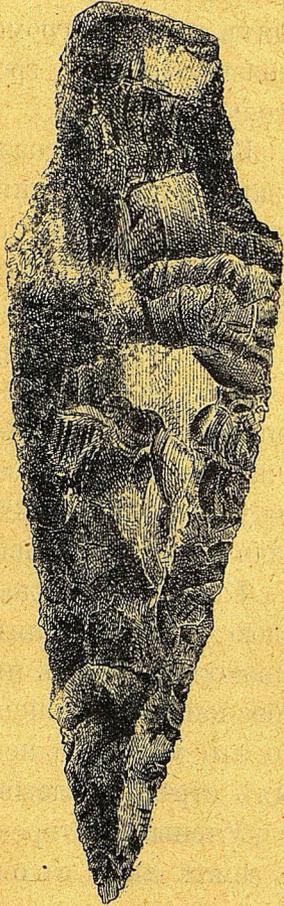

Рис. 9.

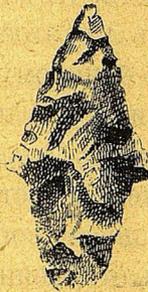

Рис. 8.

Теперь мы знаемъ, что эти оригинальныя каменные палочки, которыя называются белемнитами, чортовыми пальцами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ громовыми стрѣлами, представляютъ обломки известковыхъ шиповъ животнаго, похо-

жаго на сепію или на кальмара, и теперь уже въ живомъ видѣ не существующаго. Они указываютъ на присутствіе моря въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ слояхъ земли ихъ часто находятъ, а не на громовые удары, когда-то поражавшіе землю, и называть ихъ громовыми стрѣлами совершенно неосновательно.

Какъ я уже сказалъ, не вездѣ громовыми стрѣлами называютъ эти белемниты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мнѣ показывали громовыя стрѣлы совершенно другого вида и происхожденія. Вотъ самыя обыкновенныя формы этихъ стрѣлъ (рис. 8 и 9).

Не легко бываетъ получить эти стрѣлки отъ ихъ владѣльцевъ или чаще владѣлицъ. Они очень дорожатъ ими и хранятъ въ завѣтныхъ мѣстахъ, завертывая въ чистую тряпочку. На вопросъ, зачѣмъ имъ эти стрѣлки, они отвѣчаютъ, что употребляютъ ихъ, какъ лекарственное средство противъ различныхъ болѣзней.

Въ случаѣ надобности, стрѣлки кладутъ въ горшочекъ съ водою и долго кипятятъ въ этой водѣ, которую потомъ остуживаютъ и даютъ пить больному, съ вѣрой, что наваръ этой небесной стрѣлы исцѣлитъ его недуги. Сейчасъ мы увидимъ, что это мнѣніе о небесномъ происхожденіи и такихъ каменныхъ стрѣлъ оказывается несостоятельнымъ.

Ученые, интересующіеся вопросомъ о томъ, какъ жили на землѣ люди въ очень отдаленныя времена, давно разузнали, что эти каменные стрѣлки представляютъ собою издѣлія рукъ человѣческихъ. Древніе люди высѣкали ихъ изъ крѣпкаго камня, чаще всего изъ кремня, въ тѣ времена, когда они еще не научились добывать желѣзо и другіе металлы изъ рудъ, а между тѣмъ для охоты и битвъ съ врагами очень нуждались въ оружіи. Болѣе крупныя кремневая острія (рис. 9)

они употребляли, какъ наконечники копій; они зажимали ихъ въ разщепленный конецъ длинной палки и крѣпко обвязывали вырѣзанными изъ кожи животнаго ремешками, какъ это и до сихъ поръ дѣлаютъ нѣкоторые дикари, живущіе на малодоступныхъ, затерявшихся среди океана, островахъ. Эти древніе люди уже умѣли метать стрѣлы изъ луковъ, и для наконечниковъ стрѣлъ выдѣлывали кремневые острія меньшаго размѣра (рис. 8). Они выдѣлывали также скребки для очистки кожъ, въ которыя одѣвались, крючки изъ кости для ловли рыбы, грубые горшки для варки пищи и, стало быть, умѣли добывать огонь и пользоваться имъ для разнообразныхъ потребностей жизни.

Во многихъ мѣстностяхъ и нашего отечества, и за его предѣлами были найдены мѣста, гдѣ проводили жизнь эти древніе люди. Тамъ, гдѣ есть пещеры въ скалахъ, люди устраивали въ нихъ свои жилища. Гдѣ нѣтъ пещеръ, они жили по берегамъ рѣкъ, на песчаныхъ холмахъ, вѣроятно, въ шалашахъ, которые, конечно, не сохранились. Такія мѣста, гдѣ жили древніе люди, называются стоянками. Производя раскопки такихъ стоянокъ, можно добыть много каменныхъ стрѣлъ, наконечниковъ копій, скребковъ и другихъ инструментовъ или орудій домашняго обихода, также черепки горшковъ, остатки костровъ, кости животныхъ, отчасти обугленные.

По этимъ костямъ можно узнать, за какими животными охотились эти люди, были ли у нихъ помощники въ этой охотѣ — домашнія собаки и т. п.

Люди, выдѣлывавшіе стрѣлки, подобныя тѣмъ, какія здѣсь нарисованы, не были самыми первобытными дикарями. Въ тѣ времена они научились уже многому и очевидно умѣли устраивать свою жизнь по тогдашнему достаточно сносно.

Разнообразныя каменные орудія, ими выдѣланныя, носятъ

названіе „неолитическихъ“ (новокаменныя орудія); вмѣстѣ съ ними, въ стоянкахъ, относящихся къ этому времени, встрѣчаются и орудія изъ полированного камня.

Случается иногда находить стоянки людей, которые были несравненно болѣе безпомощны среди суровой природы, ихъ окружавшей, и которымъ болѣе тяжело жилось на свѣтѣ.

Эти люди еще не умѣли такъ хорошо и цѣлесообразно обдѣлывать камни для своего вооруженія. Они старались отыскивать среди природныхъ камней наиболѣе подходящіе для этого по формѣ и ограничивались только грубой обдѣлкой ихъ по краямъ (рис. 10). Такіе каменные инструменты даже трудно признать за издѣлія чело-вѣка, настолько мало отличаются они отъ обыкновенныхъ камней. Эти самыя перво-бытныя орудія получили названіе „палеолитическихъ“ (древне-каменныя орудія).

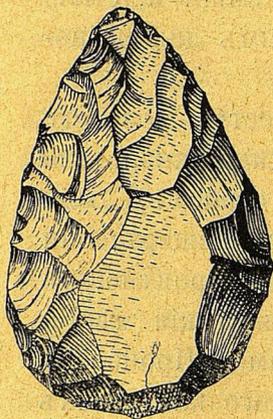

Рис. 10.

И такъ, и второй типъ, такъ называемыхъ, громовыхъ стрѣлъ не имѣетъ, какъ оказывается, ничего общаго съ громомъ. Можно, пожалуй, сказать, что громовержцами, метавшими эти стрѣлы, были древніе предки нынѣшнихъ людей, людей, которые изобрѣли для своихъ враговъ стальныя орудія, гремящія громомъ и выбрасывающія огонь, и стальные, иногда рвущіеся въ воздухъ, заряды.

Интересно теперь узнать, есть ли въ природѣ настоящія громовыя стрѣлы, и можно ли найти въ мѣстахъ, куда падаютъ гремящіе удары молній, какіе-нибудь предметы, происхожденіе которыхъ дѣйствительно можно связать съ дѣйствіемъ молніи.

На этотъ вопросъ можно отвѣ-
тить утвердительно. Можно найти
такіе предметы, но они совсѣмъ
не похожи на стрѣлы, а имѣютъ
очень оригинальный и причуд-
ливый видъ. Чаще всего ихъ мож-
но находить на песчаныхъ хол-
махъ (дюнахъ) по берегамъ боль-
шихъ рѣкъ и морей, а также и
вдали отъ рѣкъ, на возвышен-
ныхъ и болѣе или менѣе оголен-
ныхъ отъ лѣса пространствахъ
съ песчаной почвой. Научное ихъ
названіе „фульгуриты“ отъ латин-
скаго слова *fulgur*—молнія.

Фульгуриты имѣютъ видъ
плоскихъ и разнообразно пере-
крученныхъ трубочекъ съ неправи-

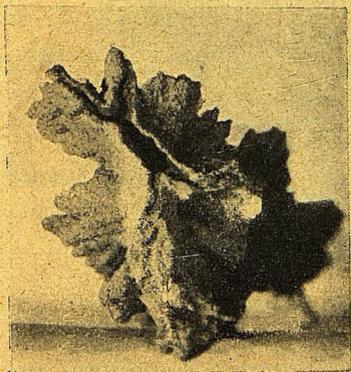

Рис. 12. Тотъ же Фульгуритъ
съ нижней стороны (видна фор-
ма внутренняго канала).

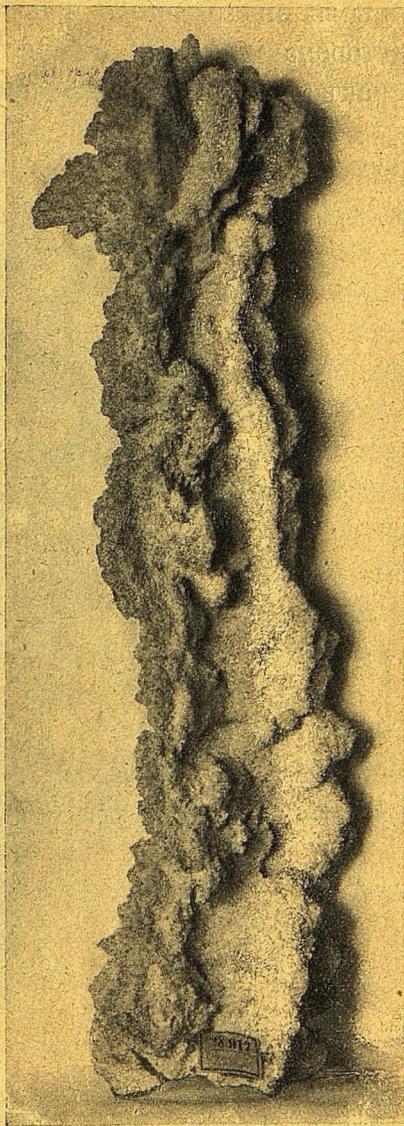

Рис. 11. Фульгуритъ съ боку.

нымъ внутреннимъ просвѣтомъ (рис. 11 и 12). Ихъ внутренняя сторона, гладкая и блестящая, какъ стекло, или, пожалуй какъ дорогой, слегка просвѣчивающій фарфоръ, а наружная

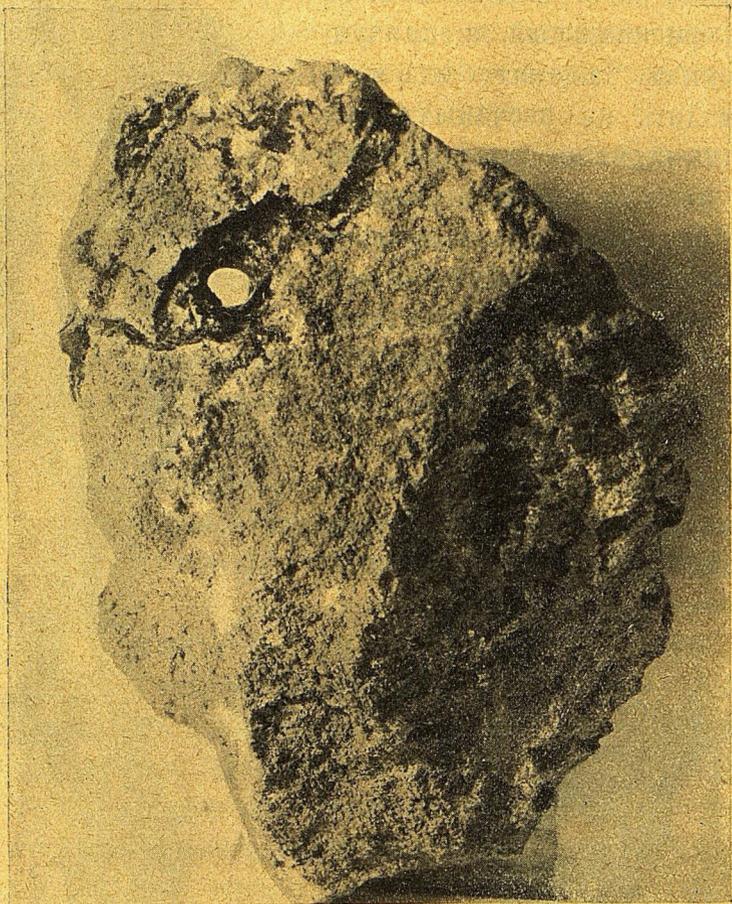

Рис. 13.

сторона очень шероховатая отъ прилипѣвшихъ снаружи песчинокъ. Разнообразной формы шипики и гребешки еще болѣе осложняютъ внѣшній видъ этихъ оригинальныхъ трубочекъ,

образовавшихся изъ песка, по пути прорѣзавшей его молніи. Эти трубочки довольно ломки, и рѣдко удается раскопать цѣльную трубочку значительной длины, а чаще всего удается добыть не очень большіе куски такой трубочки. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ коллекціяхъ, напримѣръ, въ Геологическомъ Музеѣ Кіевскаго Университета, есть очень длинныя громовыя трубки, найденныя на песчаныхъ дюнахъ, на берегу рѣки Днѣпра.

Когда молнія ударяетъ въ камень на вершинахъ высокихъ горъ, она иногда проплавляетъ въ камнѣ каналъ толщиною, примѣрно, съ карандашъ или нѣсколько больше, но тоже не очень правильной формы. Внутренняя стѣнка этого канала бываетъ какъ бы облита расплавленнымъ стекломъ, которое разливалось также и по поверхности камня у отверстія канала. Такіе ходы молній въ камнѣ нерѣдко находятъ на вершинѣ горы Арарата въ Арменіи, за Кавказскимъ хребтомъ. Можно отбить кусокъ такого камня, съ проходящимъ сквозь него каналомъ, или поднять такой, насквозь проплавленный молніей камень, на склонѣ горы (рис. 13).

Въ поэмѣ Лермонтова „Демонъ“ описывается обитель, въ которой живетъ героиня поэмы Тамара, и у стѣны этой обители тоскующій Демонъ, изъ глазъ котораго катится тяжелая слеза.

Поэтическое описаніе этой сцены заканчивается слѣдующими словами:

„Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезой жаркою, какъ пламень,
Нечеловѣческой слезой“...

Многіе ли знаютъ, что такіе, насквозь прожженные, камни дѣйствительно находятся въ природѣ, а не представляютъ плодъ поэтическаго воображенія?

А. П. Павловъ.

За счастьемъ.

ХІІ.

ЕДВА полковница успѣла скрыться за дверью, какъ Тотоно взглянулъ на своихъ товарищей и звонко захохоталъ. Но Дженарино и Таниэлло не обратили ровно никакого вниманія на его смѣхъ. Дженарино слѣдилъ глазами за Прыгуномъ, который охотился на мухъ. Таниэлло же занятъ былъ своими мыслями, и вѣроятно мысли эти были невеселыя, потому что видъ у него былъ очень грустный.

— Дурачье!—вдругъ крикнулъ Тотоно, — да никакъ вы мнѣ повѣрили? Однако, хорошо же вы меня знаете!

Дженарино и Таниэлло посмотрѣли на него съ изумленіемъ. Они ничего не понимали.

— Ну, а теперь живо въ путь.—Съ этими словами Тотоно бросился къ мѣшечку съ деньгами и къ музыкальнымъ инструментамъ.—Удираемъ, братцы!

— Удираемъ! Удираемъ!—съ восторгомъ закричали Дженарино и Таниэлло. — Не хотимъ мы ни корпуса, ни ученья, ни мундировъ! И товарищей-синьоровъ намъ не нужно. Прощайте, добрѣйшая синьора, читайте ваши проповѣди кому угодно, только не намъ! Только не намъ!

И мальчики нѣсколько разъ перекувырнулись, потомъ покружились по комнатѣ и вылетѣли на улицу.

— Куда вы?—остановилъ ихъ хозяинъ.

— Туда, гдѣ намъ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь, — со смѣхомъ отвѣтили ему мальчики.

— Но синьора...

— О, синьора? Передайте ей наше почтеніе.

Пораженный хозяинъ смотрѣлъ во всѣ глаза, какъ они

удалялись въ припрыжку, съ собакой, которая не отставала отъ нихъ.

Въ эту минуту къ хозяину подбѣжала его жена съ сестрой.

— Они удираютъ! Держите ихъ!—кричали женщины.

Кто-то предложилъ послать погоню за бѣглецами, но въ это время на дорогѣ показался важно выступавшій полковникъ. Его сѣдые длинные усы развѣвались по вѣтру. Онъ вель подъ руку свою довольную и улыбающуюся жену.

— А гдѣ же мальчики?

— Удрали, ваше превосходительство!

Полковникъ и его супруга застыли на мѣстѣ.

ХІІІ.

Улепетываютъ.

Поѣздъ летѣлъ съ такою быстротой, что мальчикамъ казалось, что у нихъ захватываетъ дыханіе. Они хохотали до слезъ, а собака забила въ уголь и дрожала отъ страха. Таніалло, радостно возбужденный, хлопалъ въ ладоши.

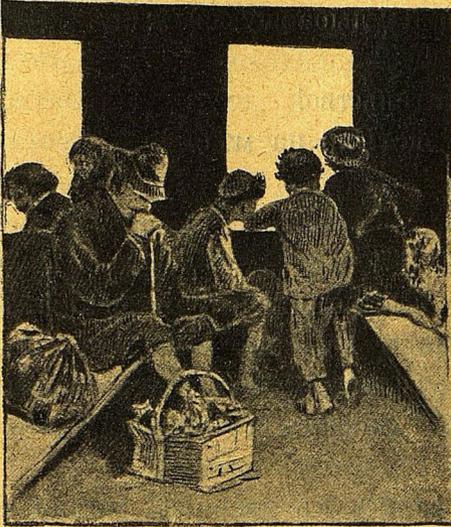
— Улепетнули!

На каждой станціи они бросались къ дверямъ вагона и съ интересомъ осматривали все, что имъ попадалось на глаза.

— Какъ вѣтеръ, несемся,—повторяли они. Съ головокружительной быстротой одна за другой проносились мимо нихъ станціи, мелькали дома, люди, животныя. Это былъ какой-то бѣшеный вихрь, отъ котораго у нихъ пріятно кружилась голова. Они чувствовали себя великолѣпно, затягивали одну пѣсню за другой. Какъ чудесно нестись съ такой быстротою! Но, къ несчастью, они неслись пока только въ Римъ. Летѣть прямо въ Швейцарію было бы конечно пріятнѣе. Но, къ сожалѣнію, денегъ хватило только на билеты до Рима. Только до Рима. Съ этимъ ужъ ничего нельзя было подѣлать.

Когда они, запыхавшіеся и взволнованные, прибѣжали въ Капуѣ на станцію, за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда, и, бросившись къ кассѣ, спросили себѣ три билета третьяго класса до Женева, кассиръ сообщилъ имъ, что это будетъ стоить 302 лиры.

Эта сумма привела ихъ въ ужасъ.

Одна за другой проносились станціи, мелькали дома, люди.

— Римъ.

— А сколько до Рима стоятъ три билета третьяго класса?

— Тридцать шесть лиръ.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ, ѣдемъ въ Римъ.

И они поѣхали въ Римъ.

Первые часы путешествія въ вагонѣ были такъ прекрасны, что они ни о чемъ не могли думать. Хотѣлось нестись такъ цѣлую жизнь. Но вотъ, на одной изъ большихъ станцій,

Что же теперь дѣлать?

Они посоветовались другъ съ другомъ, и тутъ, къ счастью, Тотона пришла великолѣпная мысль. Онъ сказалъ, что, разъ они заработали столько денегъ въ Капуѣ, то почему бы имъ не повторить концерта и въ какомъ-нибудь другомъ городѣ. Кассиръ, посмѣиваясь, ждалъ, на чемъ, наконецъ, порѣшатъ путешественники.

— Какой будетъ первый большой городъ отъ Капуи?— нисколько не смутившись, освѣдомился у него Тотона.

среди локомотивныхъ свистковъ и криковъ носильщиковъ, они впервые слышали чужой, непонятный говоръ.

— Можетъ быть, мы уже пріѣхали въ Швейцарію? Слышите, здѣсь говорятъ совсѣмъ по другому, — съ надеждой сказалъ Таніэлло.

Но и Тотоно, и Дженарино отнеслись къ заявленію Таніэлло и къ чужому языку вполнѣ равнодушно. Въ эту минуту ихъ занимало совсѣмъ другое. Они слѣдили за публикой, которая, выйдя изъ вагона, устремилась на вокзалъ, а потомъ къ дверямъ зала, за окошками котораго виднѣлись накрытые столики и сновали лакеи. Тамъ ѣли. Безъ всякаго сомнѣнія—ѣли.

— Взгляните, чѣмъ это тамъ занимаются?—значительно произнесъ Дженарино, указывая на станціонный буфетъ.

Тутъ всѣ трое почувствовали страшную пустоту въ желудкахъ.

— Ъдятъ! Конечно, ѣдятъ!—радостно крикнулъ Тотоно.

— А какъ вкусно пахнетъ!—раздувая ноздри, прибавилъ Таніэлло.

Дженарино рѣшительно обернулся къ общему кассиру Тотоно и сказалъ:

— Ну, дай-ка мнѣ шесть сольди. Я куплю чего-нибудь на завтракъ.

— Ну, нѣтъ! Шесть сольди—это черезчуръ много.

— Но вѣдь мы ничего не ѣли со вчерашняго дня,—попробовалъ уговорить кассира Таніэлло.

— Не бѣда. Наѣдимся въ Римѣ,—отвѣтилъ Тотоно.

— Вотъ придумалъ!—возмутился Дженарино.—Да я упаду замертво, если сію же минуту не проглочу чего-нибудь.

Тотоно долженъ былъ уступить, и Дженарино въ одну секунду очутился у буфета.

— Положите этого... И вотъ этого... И еще я васъ по-

прошу,—распоряжался онъ съ видомъ большого барина, указывая на тарелки съ холоднымъ мясомъ и пирожками. Потомъ онъ велѣлъ прибавить еще ко всему бутылочку кіанти.—Получите. Позвольте сдачу.—И Дженарино преважно сунуль буфетчику шесть сольди.

Буфетчикъ вытаращилъ глаза.

— Пожалуйста, поскорѣй. Сдачу мнѣ. Поѣздъ сейчасъ уйдетъ.

— Но съ васъ слѣдуетъ получить пять лиръ,—объявилъ буфетчикъ.

Теперь растерялся уже Дженарино. Со всѣхъ ногъ бросился онъ изъ буфета.

— Тото! Тото! Да иди же скорѣй!—кричалъ онъ.

— Навѣрное потерялъ всѣ деньги,—подумалъ Тотоно и полетѣлъ къ товарищу.

— Преглупая штука вышла! Буфетчикъ требуетъ съ меня пять лиръ за то, что я взялъ чуть-чуть мяса, нѣсколько пирожковъ и крохотную бутылочку кіанти.

— Шесть порцій мяса—двѣ лиры, пирожки—лира, вино—двѣ лиры. Всего съ васъ слѣдуетъ получить пять лиръ,—повторилъ, отчеканивая каждое слово, буфетчикъ.

— Вино я вамъ верну. Совсѣмъ забылъ, что купилъ точно такого же въ Неаполѣ,—небрежно сказалъ Дженарино.—Вотъ, получите три лиры. А теперь бѣжимъ,—обратился онъ къ Тотоно.

Но не успѣлъ Дженарино дойти до буфетныхъ дверей, какъ Тотоно далъ ему ногой такого пинка, что онъ свалился.

Отъ неожиданности Дженарино едва не заревѣлъ. А Тотоно насмѣшливо сказалъ:

— Подымайся! Подымайся живѣй. Нечего, братъ, выпускать нюни. Да поторапливайся. Поѣздъ сейчасъ трогается!

Испуганный Дженарино бросился къ вагону, гдѣ, прижавшись носами къ оконному стеклу, ихъ поджидали Таніэлло и Прыгунъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

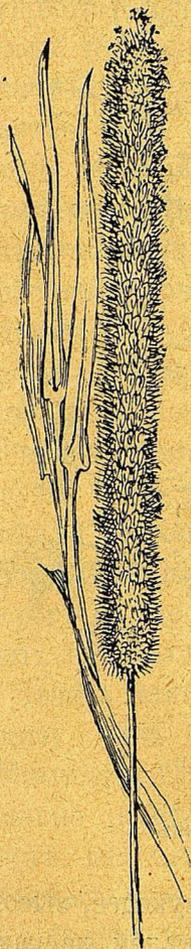
Знакомство съ царствомъ растеній.

VI.

На лугу.

ПЕРЕДЪ нами цвѣтущій лугъ на опушкѣ лѣса. Мы начинаемъ внимательно всматриваться въ это цвѣточное царство. Выше всѣхъ поднялись злаки со своими длинными узкими листьями и колосками или метелками зеленовато-желтыхъ, зеленовато-сѣрыхъ, зеленовато - бурыхъ цвѣтовъ. Это

мятликъ (*Poa pratensis*), тимофеевка (*Phleum pratense*), душистый колосокъ (*Anthoxantum odoratum*); съ ними мѣстами соперничаютъ въ высотѣ золотисто - желтые цвѣты ѣдкаго лютика (*Ranunculus acer*), большія красивыя соцвѣтїя - корзинки поповника (*Chrysanthemum Leucanthemum*) съ яркобѣлыми язычко-

Тимофеевка.

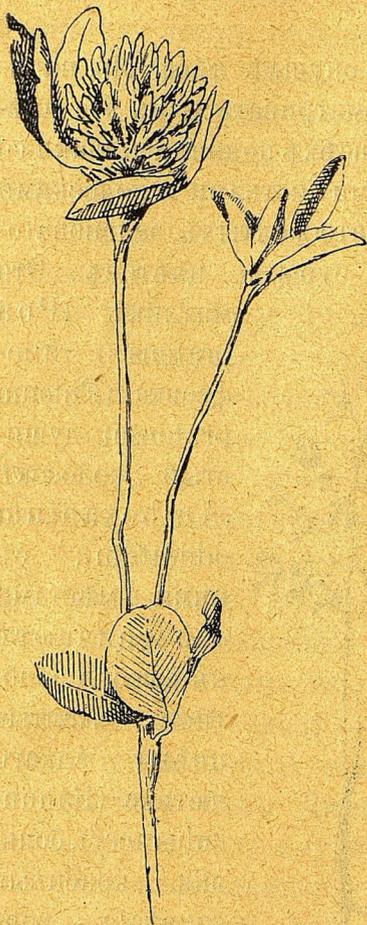

Душистый колосокъ.

Мятликъ.

выми цвѣтами по краямъ и мелкими, желтыми, трубчатыми въ срединѣ; мѣстами группы ярко-малиновой, липкой смолевки (*Silene nutans*), лиловыя пятна колокольчиковъ (*Campanula rotundifolia*).

Красный клеверъ
(кашка).

Тминъ.

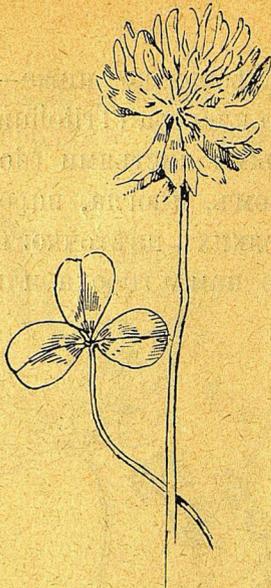
Это великаны луга; они заняли здѣсь господствующее, высокое положеніе; ихъ больше, чѣмъ другихъ ихъ сосѣдей, ласкаютъ солнечные лучи, ихъ больше колышетъ вѣтеръ, яркіе изъ

нихъ издали замѣтны для насѣкомыхъ. Нѣсколько ниже—густой коверъ краснаго, а еще ниже—бѣлаго клевера (*Trifolium pratense* и *T. repens*) съ красивыми тройными листьями (почему онъ иногда и называется трилистникомъ, иногда, впрочемъ, и кашкой) и большими головками мелкихъ цвѣточковъ, похожихъ по формѣ на цвѣты извѣстнаго намъ гороха или душистаго горошка, съ неправильнымъ, но очень красивымъ вѣнчикомъ. Среди клевера поднимается кое-гдѣ тминъ (*Carum carvi*) со своими бѣлыми зонтиками мелкихъ цвѣтовъ и сильно разсѣченными листьями; внизу красивые, почти круглые съ выемками и зубринами листья манжетки (*Alchemilla vulgaris*) съ едва замѣтными, мелкими, оранжево-желтыми цвѣтами, и многіе другіе. Всѣ тѣ травки, которыя попали случайно въ это общество луговыхъ растений съ полей, дорогъ и прочее, должны уступить лучшую долю господамъ луга и занять наиболѣе скромное мѣсто гдѣ-нибудь внизу. Вотъ внизу, едва замѣтная, пріютилась маленькая тощая ромашка (*Matricaria Chamomilla*), похожая на поповникъ, но только съ сильно разсѣченными листьями и съ выпуклымъ въ срединѣ, желтымъ пучкомъ трубчатыхъ цвѣтовъ. У самой земли совсѣмъ уже чахнуть краснобурые листики весенняго растенія будры (*Glechoma chederaea*), которая тихо доживаетъ здѣсь свои послѣдніе дни. А если всмотрѣться въ самую землю,

Манжетка.

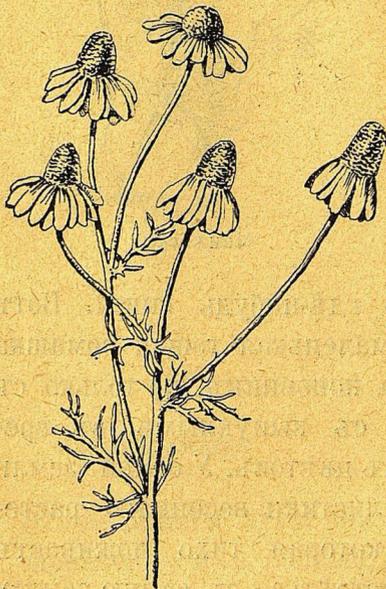
и занять наиболѣе скромное мѣсто гдѣ-нибудь внизу. Вотъ внизу, едва замѣтная, пріютилась маленькая тощая ромашка (*Matricaria Chamomilla*), похожая на поповникъ, но только съ сильно разсѣченными листьями и съ выпуклымъ въ срединѣ, желтымъ пучкомъ трубчатыхъ цвѣтовъ. У самой земли совсѣмъ уже чахнуть краснобурые листики весенняго растенія будры (*Glechoma chederaea*), которая тихо доживаетъ здѣсь свои послѣдніе дни. А если всмотрѣться въ самую землю,

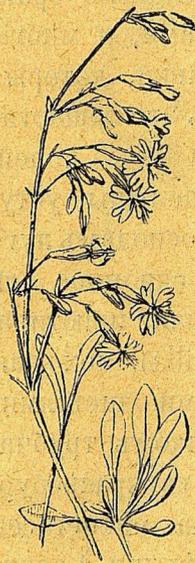
Бѣлая кашка.

Лютикъ.

Поповникъ.

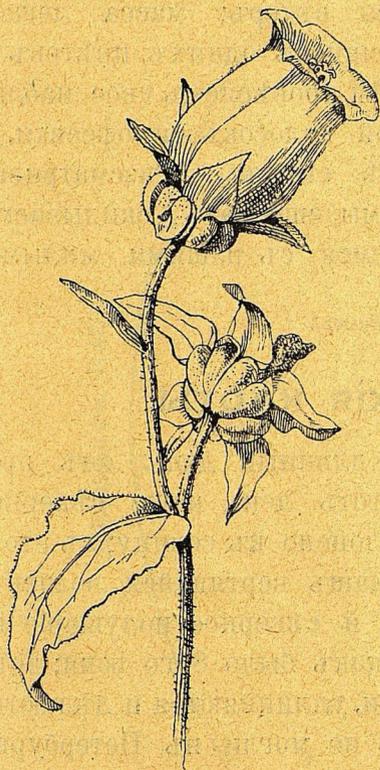

Смолевка.

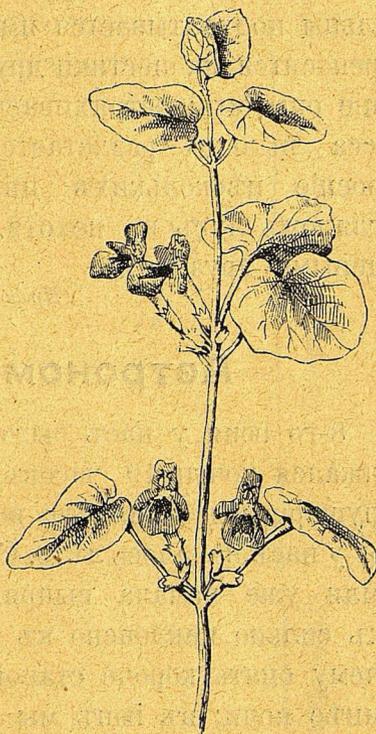
такъ и здѣсь кипитъ своеобразная жизнь: разныя мелкія насѣкомыя суетятся и барахтаются здѣсь, съ трудомъ перелѣзая какую-нибудь маленькую вѣточку и совершенно теряясь среди этихъ травокъ, которыя имъ, вѣроятно, кажутся громаднымъ, почти непроходимымъ лѣсомъ. Въ

чащѣ клевера, мышиного горошка и другихъ травокъ весело перелетаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ шмели и пчелы со своимъ неумолкаемымъ жужжаніемъ. Мѣстами трещатъ и прыгаютъ кузнечики. Разныя бабочки порхаютъ по яркимъ цвѣтамъ. Мы начинаемъ всматри-

ваться въ эту дружбу двухъ живыхъ царствъ: растений и животныхъ, и замѣчаемъ, что въ то время, какъ клеверъ, поповникъ, колокольчики и другія растенія съ яркими цвѣтами охотно и часто посѣщаются насѣкомыми, колоски и метелки

Колокольчикъ.

Будра.

злаковъ съ ихъ скромными, малозамѣтными и непривлекательными цвѣтами лишены этого милаго общества. Какъ же у нихъ происходитъ опыленіе, кто помогаетъ имъ здѣсь исполнить свое послѣднее важное дѣло? Налетѣвшій откуда-то, свободный вѣтерокъ открываетъ намъ эту тайну: мы замѣчаемъ,

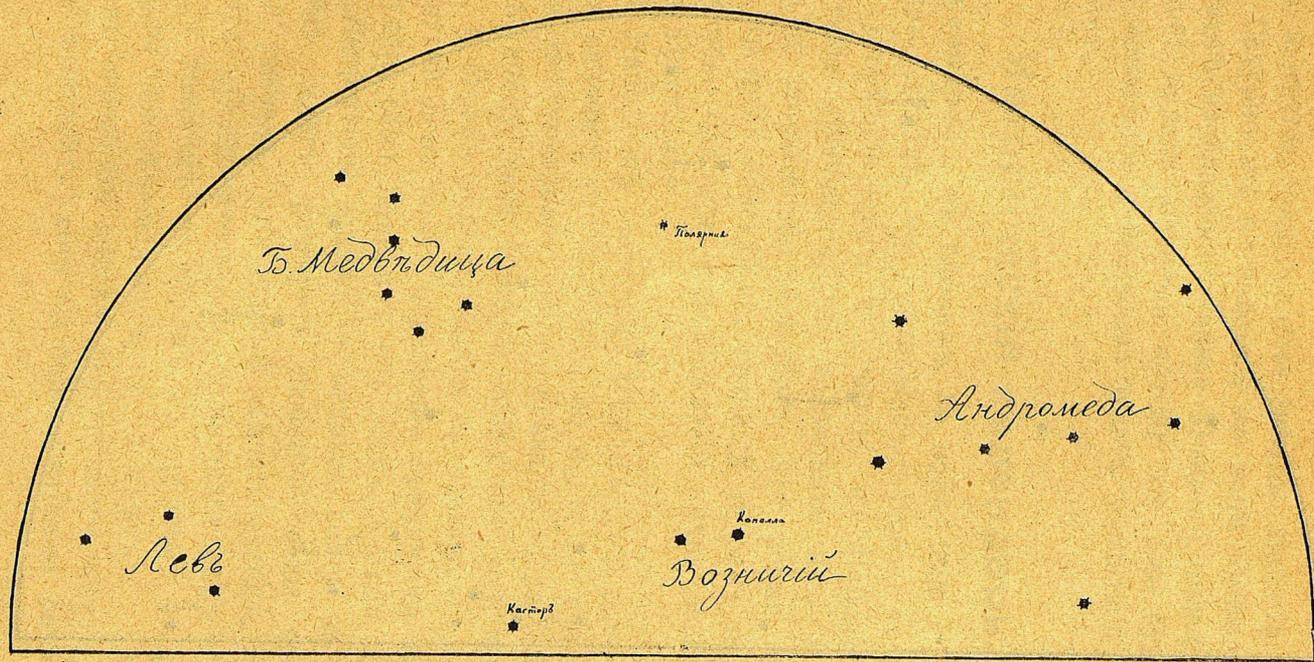
что изъ висячихъ желтыхъ или лиловыхъ тычинокъ, выдающихся изъ зеленовато-желтыхъ пленокъ, замѣняющихъ у злаковъ зеленую чашечку и яркій вѣнчикъ, сыплется масса пыльцы, которая цѣлымъ облакомъ разлетается по лугу. Очевидно, этимъ невзрачнымъ цвѣтамъ, неинтереснымъ для насѣкомыхъ, помогаетъ опыляться вѣтеръ; масса легкой пыльцы подхватывается имъ съ тычинокъ однихъ цвѣтовъ и переносится на пестики другихъ. Мы провѣряемъ свое наблюдение опытомъ: встряхиваемъ рукой колосокъ тимофеевки, — масса пыльцы разлетается во всѣ стороны. Разсматривая строеніе нѣсколькихъ цвѣтовъ, мы еще разъ окидываемъ взглядомъ лугъ и, нехотя, расстаемся съ нашими милыми, зелеными друзьями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Астрономическія карты.

8-го іюня у насъ былъ самый длинный день: онъ продолжался почти 19 часовъ. Въ этотъ день наше сѣверное полушаріе было сильнѣе всего наклонено къ солнцу; съ этого дня у насъ началось лѣто. Сейчасъ нашъ вертящійся волчекъ-Земля уже начала выпрямляться, и сѣверное полушаріе не такъ сильно наклонено къ солнцу, какъ было 8-го іюня; вотъ почему опять короче становятся дни, удлиняются и дѣлаются темнѣе ночи; въ іюнѣ мы совсѣмъ не могли въ Петербургѣ любоваться звѣзднымъ небомъ; въ іюлѣ мы уже сможемъ видѣть звѣзды, по крайней мѣрѣ самыя яркія, которыя изображены на нашихъ картахъ. Изъ созвѣздій на небѣ можно будетъ узнать, пожалуй, только одну Большую Медвѣдицу, у которой есть 6 яркихъ звѣздъ. Отъ остальныхъ созвѣздій можно будетъ розыскать только по одной, двѣ звѣзды, и только къ концу мѣсяца, когда ночи еще станутъ темнѣе, можно будетъ

Сѣверное небо.

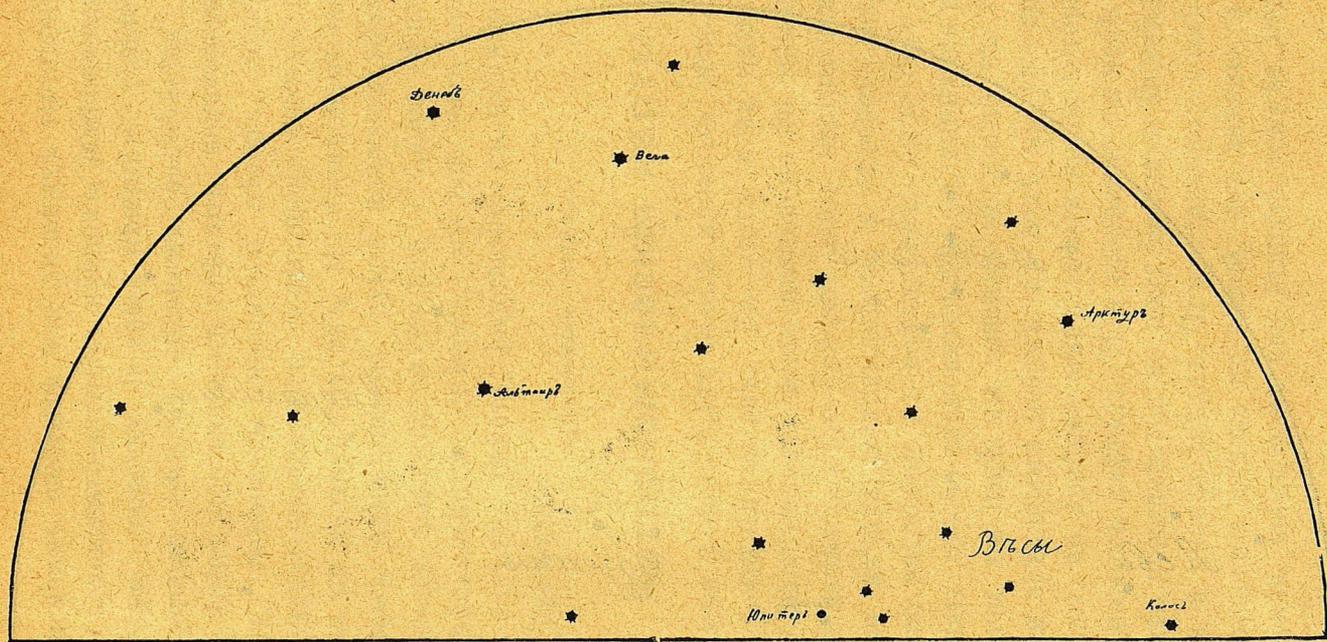
Западъ.

Сѣверо-западъ.

Сѣверъ,

Сѣверо-востокъ.

Южное небо.

Востокъ.

Юго-востокъ.

Югъ.

Юго-западъ.

Западъ.

находить и другія, болѣе слабыя звѣзды. Нашихъ знакомыхъ Марса и Сатурна мы не найдемъ въ полѣ. Въмѣсто нихъ на южной картѣ изображена планета Юпитерь; однако розыскать его на небѣ будетъ нелегко, потому что онъ будетъ показываться ненадолго и все время будетъ держаться низко надъ горизонтомъ.

Историческій календарь.

Александръ I въ Москвѣ 12 іюля 1812 г. Государь Александръ дѣлалъ все возможное, чтобы предупредить войну и вторженіе врага въ Россію, но Наполеонъ предложилъ такія требованія, что выполнить ихъ было и невозможно, и унижительно. Увидѣвъ, что война неизбежна, государь тронулъ войска къ границѣ и самъ поѣхалъ въ Вильно, чтобы сдѣлать имъ смотръ и лично распорядиться военными дѣйствіями.

Когда Наполеонъ перешелъ Нѣманъ, государь еще разъ попытался склонить его къ миру, но и это не удалось.

— На наступающаго Богъ!—сказалъ тогда Александръ и принялъ войну, какъ тяжелое испытаніе, изъ котораго и онъ самъ, и страна должны выйти съ честью.

На другой день послѣ переправы французовъ черезъ Нѣманъ, государь самъ объявилъ объ этомъ событіи въ такихъ словахъ: „Непріятель вошелъ съ великою силою въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ раззорять любезное наше отечество“. И самъ же указалъ, что должны дѣлать русскіе, чтобы отразить врага: „Соединитесь всѣ, защищайте вѣру, отечество, свободу. Съ крестомъ въ сердцѣ, съ оружіемъ въ рукахъ—никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“.

Противъ огромнаго войска, перешедшаго черезъ Нѣманъ, надо было выставить хотя бы приблизительно равную ему

силу. А у русскихъ пока ея еще не было. Надо было набрать новыя ополченія, собрать деньги для нихъ и, чтобы выиграть время для всѣхъ этихъ приготовленій, рѣшено было отступить, заманивая непріятеля вглубь страны.

Государь хотѣлъ не покидать войска и отступить вмѣстѣ съ нимъ, но это оказалось невозможнымъ. Внутреннее управленіе страной требовало его возвращенія въ Петербургъ, а кромѣ того, онъ захотѣлъ самъ побывать и поговорить съ своимъ народомъ въ двухъ древнихъ русскихъ городахъ — Смоленскѣ и Москвѣ.

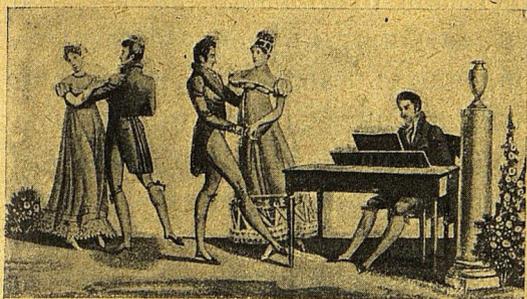
Предстояла великая, небывалая война. „Не положу оружія, доколѣ ни одного непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ!“ говорилось въ приказахъ государя, которые расходились по арміи и по городамъ. И слова эти не пугали, а только воодушевляли людей.

12 іюля государь пріѣхалъ въ Москву. Пріѣхалъ онъ въ Кремль ночью. Ему хотѣлось избѣжать торжественной встрѣчи, но въ 9 часовъ утра, когда онъ вышелъ на Красное Крыльцо, чтобы итти въ Успенскій соборъ, онъ увидѣлъ, что вся площадь и все пространство вокругъ нея уже залито народомъ. И прорывая церковный благовѣстъ и крики ура, раздавались голоса:

— Батюшка царь! Веди насъ, куда хочешь! Побѣдимъ или умремъ!

Москва до этого пріѣзда жила своей обыкновенной жизнью. Въ барскихъ домахъ веселились и танцевали. Все французское продолжало быть въ модѣ. По случаю пріѣзда государя, нѣкоторые дворяне прохаживались въ мундирахъ, а щеголи красовались въ модныхъ тогда сѣрыхъ шляпахъ „à la Sandrillon“, въ пышныхъ жабо, съ батистовыми брыжжами, съ хлыстиками и тросточками въ рукахъ. Франты нарядились во фраки васильковаго, кофейнаго или бутылочнаго цвѣта, въ

узкіе, гороховаго цвѣта панталоны, и въ сапоги съ кисточками. Дамы щеголяли въ платьяхъ съ высокой та-

Баль въ Москвѣ въ началѣ 1812 г.

леией, съ короткими рукавами и въ длинныхъ по локоть перчаткахъ. Прически „à la Titus“ и французскіе шляпы и башмаки были особенно въ модѣ. На Тверскомъ бульварѣ и въ Нескучномъ саду толпились гуляющіе. Говорили о французахъ. Кое-гдѣ въ домахъ дамы и дѣти щипали корпию, готовили бинты. Но все это дѣлалось безъ особой тревоги и почти не нарушало ни обычнаго настроенія, ни обычной жизни. Неприятель былъ далеко. Никому не вѣрилось, что онъ дойдетъ до Москвы.

Послѣ воззванія государя, настроеніе сразу стало серьезнѣе.

Дворянство порѣшило выставить 80 тысячъ ратниковъ и пожертвовало три милліона деньгами, купечество дало на войну десять милліоновъ.

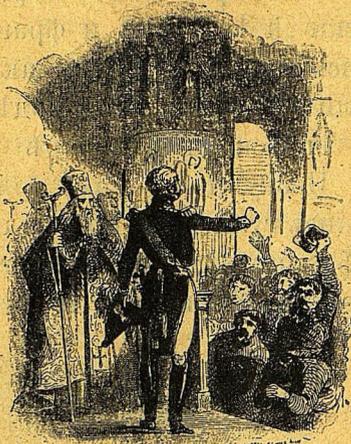
Стали собирать ополченцевъ. Ихъ называли еще „жертвенниками“, т. е. пожертвованными отечеству. Въ ополченцы записывались студенты, чиновники, семинаристы.

Съ блестящими крестами на шапкахъ, съ ружьями и пиками они стали мелькать на улицахъ, напоминая своимъ видомъ о войнѣ. На народныхъ гуляньяхъ

Франтъ. Рисунокъ Б. Орловскаго.

появились красивыя военныя палатки, вокругъ которыхъ гремѣла музыка, а внутри ихъ блестяло разное оружіе и военныя доспѣхи. Здѣсь записывали охотниковъ на военную службу. Въ городѣ появились башкиры въ конусообразныхъ войлочныхъ башлыкахъ, съ луками и колчанами за плечами. На большихъ площадяхъ шли военные смотры и ученья.

Александръ I говоритъ съ народомъ.

Все это постепенно вытѣсняло всѣ постороннія мысли и заставляло думать только о войнѣ. И разговоры теперь вертѣлись только на этомъ.

Всякій слухъ о томъ, что дѣлается на дорогѣ, по которой русское войско все отступаетъ, а непріятель забирается все дальше въ глубину страны, жадно ловился москвичами. Говорили о повсемѣстномъ раззореніи. Поля скошены

на прокормъ лошадямъ или вытоптаны. Грозитъ голодъ, Деревни горятъ, какъ костры. Народъ безъ пріюта. Непріятель оскорбляетъ святыни. Въ Витебскѣ лошадей держали въ церквахъ. Въ Полоцкѣ устроили театръ въ храмѣ.

Возмущеніе и ненависть къ врагу растутъ съ каждымъ днемъ. Все французское уже давно заброшено: платья, и прически, и шляпы. Отпускаютъ французскихъ учителей, высылаютъ парикмахеровъ, портныхъ и, чѣмъ ближе подходитъ къ Москвѣ непріятель, тѣмъ сильнѣе разростается къ нему ненависть.

— Идутъ къ Смоленску! Къ Смоленску подходятъ!— съ ужасомъ разносится по Москвѣ.

— Отъ Смоленска до Москвы уже рукой подать! Неужели и до Москвы доберутся?

Редакт.-Издат.: П. Соловьева и Н. Манассина.

Соловьева П. С. (Алегро) „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. 3-е изданіе
Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ переплетѣ 65 к.
ОДОВРЕНО для ученнч. библи. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученнч. библи. высшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*
Ученнч. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библи. высшихъ учебнч.

Соловьева П. С. (Алегро) „Семилѣтна“. Народныя сказки. Съ рисунками. Цѣна въ
обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.
Ученнч. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библи. высшихъ учебнч.
заведеній.

ОДОВРЕНО для ученнч. библи. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученнч. библи. высшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*
Допущено въ ротныя библи. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стих. Съ рисунки. Ц. 20 к.
ОДОВРЕНО для ученнч. библи. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученнч. библи. высшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*
Допущено въ ротныя библи. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.
Соловьева П. С. „Березинны именины“. Пьеса въ стих. Съ рисунокъ автора. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученнч. библи. высшихъ учебн. завед., пріютовъ, малолѣтн. отд. и пріютовъ классовъ
средн. уч. завед. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Алегро) „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.
Соловьева П. С. (Алегро) „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйств. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. (Алегро) „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.
ДОПУЩЕНО въ библи. высш. учебн. зав., пріютовъ, малолѣтн. отд. и пріютовъ классовъ средн. уч. зав.
Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.

Соловьева П. С. (Алегро) „Жизнь Хитролиба“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Съ
рисунками В. Рабье. Цѣна въ переплетѣ 2 р.

*Ученнч. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признаю подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученнч.
библи. средн. учебн. завед.*

ОДОВРЕНО для ученнч. библи. высшихъ учебн. завед., пріютовъ, малолѣтн. отдѣл. и пріютовъ классовъ
средн. учебн. завед. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Алегро) „Новый годъ“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 20 к.

Соловьева П. С. (Алегро) „Царевна Земляничка“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 30 к.

Фрлякъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученнч. библи. младш. возраста средн. учебн. заведеній и для ученнч. библи. высш.
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученнч. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библи. высшихъ учебн. завед.

Шалиръ Л. Н. „Люди и звѣри“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Шведеръ Е. І. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками автора. Цѣна 20 коп.

ОДОВРЕНО для ученнч. библи. младш. классовъ средн. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Новыя изданія „Тропинки“.

Манаскина В. М. „Церботская принцесса“. Повѣсть изъ дѣтства и юности Евваторины П.
Съ иллюстраціями Т. Гиппюсъ, портретами и снимками со стар. гравюръ. Цѣна въ
переплетѣ 2 р. 50 к.

*Ученнч. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признаю подлежащимъ включенію въ списокъ книгъ,
заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученнч. библи. средн. учебн. заведеній.*

Оду, Маргарита. „Паутишка“ Переводъ съ французскаго. Со снимками съ карт.
и рисунковъ Миллэ. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Дѣдушкино кольцо“. Пьеса въ стихахъ съ рисункъ автора. Цѣна 25 к.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ,
если книга выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

7-й годъ
изданія.
12 книжекъ
въ годъ.

„ТРОПИНКА“

3 рубля съ
доставкой
въ годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Выходитъ 1—5 каждаго мѣсяца въ 4—6 печатныхъ листовъ
(60 печатныхъ листовъ въ годъ).

Пробный № въ редакціи стоитъ 25 к., съ перес. 35 к., наложеннымъ
платежомъ не высылается.

Въ редакціи имѣются комплекты 1908, 1910 и 1911 гг. —
комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. всѣ разошлись.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ
редакцію и не позже срока полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовле-
творять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ
редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При
перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій уплачивается
20 к., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній, иногородняго
на петербургскій или иногородняго на иногородній уплачивается **40 к.**
До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по
старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2 до 4 часовъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ №. 497-55.

Редакт.-Издат. *П. Соловьева и Н. Манаскина.*

Въ Москвѣ книги изданія „Тропинка“ продаются и подписка на жур-
наль „Тропинка“ принимается въ слѣдующихъ магазинахъ: „Наука“,
Б. Никитская, 10. Въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи. „Ступени
Знанія“, Мясницкая, 5, флиг. 6. Филимонова, Б. Никитская, 22.
